

• УКРЕПЛЯЯ ЕДИНСТВО, ХРАНИМ ТРАДИЦИИ

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ. СТО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ (Часть 8) МИХАЛАЧКА

За те годы, что я занимаюсь поисками потомков белорусских переселенцев в Сибирь, мне удалось найти сведения о многих людях. Иногда это очень нелёгкий труд, но всегда он приносит и приносит мне большую радость. За каждой такой находкой открывается судьба человека, и он словно был возвращается из небытия.

Я уже делилась читателями и в Сибири, и в Беларуси на страницах газет многими такими находками, но сейчас я хочу рассказать об одной из них подробнее.

Все началось со странного имени Михалачка. Это имя возникло из небытия ровно год назад.

«Михалачкой его звали», – сказала мне тётя Зина, у которой я гостила в своём родном сибирском селе Ермаки в мае прошлого года. В тот свой майский приезд я расспрашивала тётю Зину, как и в прежние встречи, о наших с ней родственниках, уточняла детали разных событий в жизни нашей огромной семьи.

В тот день мы приехали в Ермаки с братом Володей Грещенко навестить родственников, посетить сельское кладбище и привести в порядок захоронения родных и близких. А потом, заглянув в гости к дочери тёти Зины Татьяне, и повели за её хлебосольным столом разговор с тётей Зиной.

Тётя Зина Босьякова – единственная моя близкая родственница в Ермаках, она мне двоюродная тётя. И хотя возраст у неё преклонный, помнит многое из поры своего довоенного детства и после, и знает больше всех в Ермаках о жизни нашей семьи рода Мельниковых.

Тогда мне казалось, что я, перерыв кучу архивной информации и найдя множество имён этого рода, выстроив большое родословное дерево, знала историю жизни каждого найденного Мельникова. С этим я и ехала к тётю Зине, потому что она тоже из этого

мне в различных архивных справках и документах.

Замелькал он в метрических книгах Ермаковской Никольской церкви в возрасте шестнадцати лет, выступая то восприимчиком у новорождённых, то поручителем на свадьбах у односельчан. Его братья и сёстры были при этом не так заметны, отмечала я, читая метрики.

Женился Михалка рано, и время, как мне показалось, выбрал для этого самое неподходящее: его женитьба пришлась на лихое время крутых перемен. В стране случилась Октябрьская революция. Метрическая запись сообщила дату его венчания в Ермаковской церкви: 29 октября 1917 года. Но к свадьбам, как водится, в деревнях готовились задолго и основательно. Невеста была сосватана, и событие, конечно, случилось. Жениху исполнилось восемнадцать, его избраннице, Ирине Дорофеевне, всего семнадцать. Невеста была своя, ермаковская – из рода переселенцев Черняковых. Обе семьи были выходцами из могилевской деревни Рогинь.

Михаил привёл молодую жену в родительский дом и вскорости после женитьбы с головой окунулся в поток революционных событий, уже добравшихся до ермаковской земли.

Мне повезло. В Тобольском и Ишимском архивах я отыскала несколько

» В редакции газеты «Тюменский курьер». Май 2019 г.

одной из деревень района. Он возвращался из Ишима и вёз на санях покупки для церкви: свечи и прочие церковные товары. На товары убийцы не покусились, но с Михаила сняли и шапку, и полушубок. Лихие, голодные были времена, и в районе, говорят, бесчинствовали банды. Убитого привязали к саням, и лошадь, зная дорогу, притащила тело Михаила к родительскому дому. Бабушка и её старшая сестра Зинаида вспоминали – и я это запомнила в детстве – что «собирали Михалку по косточкам».

Похоронили Михаила на Ермаковском погосте...

Вот и спросила я у тёти Зины в прошлом году, а что знает она про эту историю с её дядей? И где же он там, на кладбище, похоронен?

– Ну, как же, знаю я эту историю. И где лежит он, знаю, – ответила она. – Ты ж была сейчас на кладбище, вот почти рядом с моей мамой и дедом Харитоном он и похоронен. Видала там старый крест? Вот там Михалка и лежит.

Да, на крест я обратила внимание, он был безымянным и показался мне очень ветхим. Стала расспрашивать тётю Зину о том, что она знает о судьбе семьи Михаила и его жены Ирины.

Тётя Зина сказала, что Арину – так её называли в деревне – помнит плохо, а на вопрос, были ли у Михаила с Ириной дети, ответила, что да, было двое: девочка и мальчик. Сказала, что Арина после смерти мужа вышла замуж в деревню Жигули, а за кого, не помнит, и что дочка её разбилась, когда возвращалась из леса, где собирала ягоды: «кони с горы понеслись, и дочка тая с телеги упала и насмерть зашиблась...» Имени дочери Арины тётя Зина не вспомнила, а на вопрос, как звали сына

ритоновича я не знала и нигде не могла найти сведений о том, были ли у них с Ириной дети. Но тётя Зина протянула мне ниточку надежды, и я поняла, что найду, обязана найти этого Михалачку, погибшего, по словам тёти Зины, на войне.

Дальше события развивались с небывалой скоростью. Но собрать все сведения о Михалачке – Михаиле Михайловиче Мельникове, погибшем на войне, отыскать родственников его матери Ирины Дорофеевны, навести справки о ней самой и узнать, как сложилась её судьба, – на всё это у меня ушёл почти целый год...

НАЧАЛО ПОИСКОВ

По дороге домой из Ермаков я остановилась на три дня в Тюмени, где у меня жили родственники и друзья. Но мне хотелось там повстречаться ещё с одним человеком. То был Рафаэль Соломонович Гольдберг – главный редактор газеты «Тюменский курьер», с которым мы были знакомы только заочно благодаря его «Книге расстрелянных».

Сама судьба, казалось, начинала определять людей, способных мне помочь в поисках информации о Михалачке. И двухтомник Гольдберга «Книги расстрелянных» стал отправным в поиске.

Мы встретились с Рафаэлом Соломоновичем в редакции газеты и, познакомившись уже лично, заговорили о страшных годах репрессий на тюменской земле. Я поблагодарила Рафаэла Соломоновича за книгу, за его титанический труд в сборе материалов для этой книги. Рассказала ему о том, что в первом томе его «Книги расстрелянных» нашла немало имён своих земляков, репрессированных в тридцать седьмом и тридцать восьмом годах в Ишима и Омске.

Мы листали с ним книгу, а я выбирала на страницах имена невинно убиенных крестьян – белорусов-переселенцев из окрестных с Ермаками деревень – и рассказывала Рафаэлу Соломоновичу историю переселения этих самых крестьян в Сибирь. Он слушал меня с большим интересом потому, что был сам уроженцем Беларуси: его родина – город Гомель.

По грустной иронии судьбы, среди тысяч имён, увековеченных на страницах его книги, в ней оказалось имя Никиты Евдокимовича Мельникова – двоюродного дяди Михалачки.

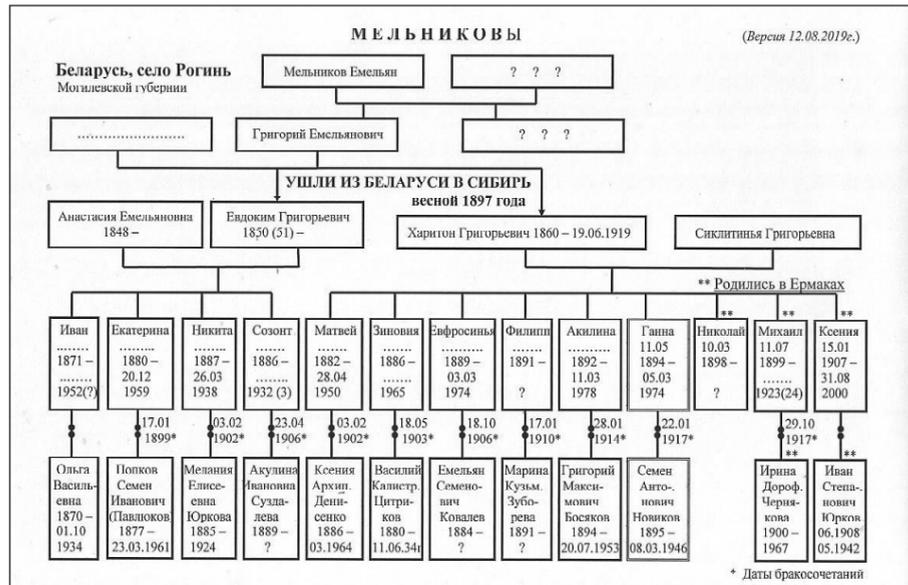
Отец Никиты – Евдоким Григорьевич Мельников – был одним из основателей села Ермаки: это он привёл из Беларуси в Сибирь не только свою семью и семью своего брата Харитона, а моего прадеда, и ещё почти четыреста человек.

Род Мельниковых был большой – с Евдокимом в Сибирь пришли его взрослые дети. Старший сын Иван был уже женат, а дочь Екатерина и сыновья Никита и Созонт завели семьи вскорости после переселения. Так что рабочих рук в семье хватало. И первым делом после постройки жилища Мельниковы взялись за строительство деревенской мельницы на речке, ведь они были мельниками. Из-за этой мельницы вся семья пострадает в начале тридцатых годов. Будут раскулачены, пущены по миру и высланы из деревни все семьи сыновей Евдокима Григорьевича, как и он сам. Сын Созонт погибнет на каторге в ссылке от тифа в тридцать втором году, а Никита будет расстрелян в Омске в тридцать восьмом. Иван вернётся из ссылки в Ермаки и потом всю войну будет работать на колхозной мельнице бесплатно. На той самой мельнице, построенной им самим, его отцом и братьями.

Но это – другая история, требующая отдельного рассказа...

(Продолжение следует)

Елена НОВИКОВА,
г. Санкт-Петербург

» Рабочая схема рода Мельниковых

рода, и мне хотелось с ней поделиться своими архивными находками. У меня, правда, оставалась пара-тройка вопросов по одному из её дядёв – Михаилу Харитоновичу, и я надеялась на помощь тёти.

Этот Михаил Харитонович был родным дядей тёти Зины и братом моей бабушки Анны Харитоновны Мельниковой (Новиковой).

Семья моего прадеда белоруса-переселенца Харитона Григорьевича Мельникова и его жены Сиклотины Григорьевны пришла в Сибирь большой: детей было шестеро. Старший – Матвей, а за ним шли Зиновия, Евфросинья, Филипп, Акулина и Анна, моя бабушка. Но в Ермаках у Харитона и Сиклотины родилось ещё четверо детей, хотя выжили из них только Михаил и Ксения.

Михаил появился на свет в июле 1899 года, и был, похоже, любимцем. Называли его на белорусский лад – Михалка. Рос он смышлённым и был самым грамотным в семье, а ещё был очень активным: уж очень часто попадался

уникальных документов той поры, отсутствующих о новой жизни ермаковских крестьян.

Многие из найденных документов написаны рукой Михаила Мельникова – он был сельским писарем и своего рода летописцем истории жизни переселенцев. Без него не проходили ни один деревенский сход, ни одно собрание. По поручению односельчан он писал и Каргалинскому волостному правительству, и Временному Правительству в Петроград, и, похоже, что был в гуще тех событий. А ещё тяготел к церкви и поддерживал местного священника ермаковской церкви Николая Николаевича Пельца. В то смутное время священник отстаивал чаяния своих крестьян, и они стояли за батюшку горой.

По семейной легенде известно, что в начале двадцатых годов, когда чуть утихла революционная буря и началась пора первых сельсоветов, Михаил Мельников остался служить при церкви. Об этом времени сохранились лишь обрывки воспоминаний родственников, но о том, где, при какой церкви и кем он служил, неизвестно. Известно лишь, что был он убит по дороге домой в Ермаки, когда остановился заночевать в

Арины и Михаила, ответила: «Михалкой и звали».

– Как – Михалкой? – Я оторопела.

– А так и звали, как отца. Видать, крепко Арина Михалку своего любила, раз именем мужа и сына назвала...

– А что ж Михалка, сынок, он куда подевался? – Спросила я.

– А на войне, видать, погиб наш Михалачка, – ответила тётя Зина.

Ничего прежде о детях Михаила Ха-